

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120

Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва*

Д.Е. Добринская, Т.С. Мартыненко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991
(e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com; ts.martynenko@gmail.com)

В статье рассматриваются специфика и тенденции становления информационного общества в России посредством анализа различных аспектов его цифровизации, в том числе связанных с задачей сокращения цифрового разрыва — новой формы социального неравенства, основанной на развитии информационно-коммуникативных технологий во второй половине XX века. В настоящее время не существует единого подхода к концептуализации понятия «цифровой разрыв» («цифровое неравенство»). В качестве методологической базы анализа цифрового неравенства используется трехуровневое членение цифрового разрыва, где первый уровень фиксирует разницу в доступе к новейшим информационным технологиям (наличие или отсутствие материальной базы) и включает в себя не только владение специальными устройствами (смартфонами, компьютерами и др.), но и наличие доступа к Интернету, а также его качество (скорость, стоимость и др.). Второй уровень цифрового разрыва фиксирует разницу в необходимых для эффективного использования информационных технологий навыках (наличие способностей не только потреблять контент, но и производить его, быть активным участником взаимодействия). Третий уровень — это жизненные шансы и возможности, обусловленные использованием информационных технологий, этот уровень наиболее сложен для измерения и опирается на информацию о цифровизации отдельных сфер жизни общества. Цифровизация — приоритетное направление развития российского общества, она включает в себя не только использование цифровых технологий в образовании, здравоохранении и др., но и меняет способы взаимодействия между обществом и государством («электронное правительство»). На основе данных статистики и исследований 2015—2017 годов в статье делаются выводы о перспективах преодоления цифрового разрыва в российском обществе и обозначены риски и негативные последствия попыток его ускоренной цифровизации.

Ключевые слова: социальное неравенство; цифровой разрыв; цифровое неравенство; информационное общество; информационно-коммуникативные технологии; цифровизация; Интернет

Последствия стремительного распространения Интернета со второй половины 1990-х годов и постоянные новации в области информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) меняют современный мир, предоставляя новые возможности для распространения и хранения информации и реализации новых социальных практик, позволяя с легкостью преодолевать географические границы и измерять время «кликом» мыши [18; 20; 28; 44]. Данные обстоятельства стали

* © Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С., 2019.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект №18-011-01106.

Статья поступила в редакцию 18.06.2018 г.

фактором усиления социального неравенства: наряду с традиционными формами неравенства (экономическое, гендерное, расовое, этническое) возникают новые его формы [4; 7; 35], в частности, цифровой разрыв, ставший одним из маркеров новой цифровой эпохи. Россия как часть глобального процесса информатизации и дигитализации всех сфер общественной жизни, с одной стороны, получает несомненные преимущества от применения передовых ИКТ, с другой стороны, испытывает негативные последствия цифрового разрыва.

Цифровой разрыв как важнейший аспект современного неравенства широко представлен в современных социологических исследованиях, однако очевидны и пробелы в его социологическом осмыслении. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) использует термин «цифровой разрыв», определяя его как «разрыв между отдельными лицами, домашними хозяйствами, предприятиями и географическими районами на различных социально-экономических уровнях с учетом их возможностей доступа к ИКТ и широкого спектра деятельности» [34. Р. 5]. Исследователи российского Института развития информационного общества описывают цифровой разрыв как «новый вид социальной дифференциации, связанный с обладанием различными возможностями использования современных ИКТ» [2. С. 62]. Цифровое неравенство изучается в разных исследовательских перспективах. Одни авторы указывают на необходимость выделения трех типов цифрового разрыва: глобального, национального и индивидуального. П. Норрис определяет глобальный разрыв как цифровой разрыв на уровне государств (например, между развитыми и развивающимися странами); социальный — как разрыв между теми, кто имеет и не имеет доступ к ИКТ в пределах одной страны; демократический — как различия между теми, кто активно использует и, наоборот, не использует ИКТ для участия в общественной и политической жизни [33].

Общепризнана сегодня эволюция цифрового неравенства и, соответственно, изменения в концептуализации этого явления [24; 30; 36; 45]. В частности, необходимо выделять уровни цифрового разрыва в связи со спецификой и масштабами доступа и использования ИКТ.

Цифровой разрыв первого уровня: наличие материальной базы

На первом этапе распространения Интернета цифровой разрыв изучался в рамках концепции диффузии технологий и инноваций [38]. Такой детерминистский подход предполагал анализ цифрового неравенства с позиций доступности Интернета (доступ/отсутствие доступа) или количества времени, проведенного в Сети. Доступ к Интернету обеспечивается наличием специального устройства (компьютера, смартфона, планшета и т.п.) и канала связи (услуги интернет-провайдера). Разрыв между теми, кто имеет доступ к Интернету, и теми, у кого возможности использования интернет-технологий ограничены, получил название «цифровой разрыв первого уровня».

Исследования, регулярно проводимые международными организациями, среди которых Международный союз электросвязи, Всемирный экономический

форум, Всемирный банк, компания GfK и др., показывают устойчивую тенденцию к сокращению цифрового разрыва первого уровня. На конец декабря 2017 года количество интернет-пользователей составило 54,4% населения мира [46]. Однако исследования фиксируют замедление темпов роста числа интернет-пользователей в 2017 году (менее 5% в год). По данным Международного союза электросвязи, количество домохозяйств, имеющих подключение к Интернету, в развитых странах почти в пять раз выше, чем в остальных регионах мира. Такая же ситуация характерна и для цифрового разрыва между индивидуальными пользователями: в Европе количество пользователей, регулярно использующих ресурсы Всемирной паутины, в три раза превышает аналогичные показатели в Африке [32]. В России в 2017 году 109,5 млн человек (76,4% населения) пользовались Интернетом [46]. Число интернет-пользователей демонстрирует устойчивый рост и приближается к среднему по Европе: в Дании — 96,9%, в Германии — 89,6%, в Греции — 69,1%. Пользователи из России составляют 16,6% интернет-пользователей в Европе. При этом число пользователей Facebook — 12 млн, что значительно ниже, чем показатели развитых европейских стран [26].

Для характеристики уровня цифровизации в России можно обратиться к исследованию Б. Чакраворти, А. Бхалла и Р.Ш. Чатурведи, в котором анализируются темпы развития цифровой экономики [17]. В качестве основных показателей для построения типологии использовались данные по объемам государственных инвестиций в цифровую экономику, в частности, темп ее развития. На основе проведенных расчетов авторы обозначили четыре группы стран по текущему состоянию и темпам роста цифровой сферы: лидеры, группа стран с замедляющимся ростом, перспективные страны и проблемные. Отдельные страны располагаются на границе областей (например, Китай занимает промежуточное положение между лидерами и перспективными странами). К числу несомненных лидеров относятся ОАЭ, Сингапур и Новая Зеландия. Наиболее развитые с технологической точки зрения страны Европы и Северной Америки постепенно замедляют темпы развития цифровой экономики. Россию авторы отнесли к перспективным странам, в ту же группу входят Мексика, Индонезия, Индия, Марокко и др.

Положение России близко к промежуточному, что объясняется государственной поддержкой развития информационного общества [17]. По данным компании GfK, в 2017 году 56% россиян использовали для выхода в Сеть смартфоны и планшеты, что на 20% превысило аналогичные показатели 2016 года [8]. Таким образом, по доступности материальной базы для выхода в Интернет Россия в глобальном масштабе находится на высоком уровне и характеризуется стабильным ростом.

К сожалению, внутри страны ситуация по регионам различается [9]. По данным Яндекса за 2015—2016 годы, доля тех, кто выходит в Интернет хотя бы раз в месяц, в среднем составляла 67%: наименьшее значение в Дальневосточном федеральном округе — 63%. Стоимость доступа в Интернет в регионах также различается: наиболее высокая — в том же Дальневосточном округе (624 рубля

в месяц, в среднем по стране — 404 рубля. Более того, несоизмерима скорость доступа и различаются предпочтения типов Интернета: так, мобильный Интернет большее распространение получил в Москве (61%), в остальных регионах среднее число пользователей, которые хотя бы раз в месяц выходили в Интернет с мобильного устройства, составляет около 48%. Иными словами, распространение ИКТ в России идет от центра к периферии.

Для оценки социальных последствий распространения ИКТ простого деления на имущих и неимущих недостаточно [19; 29; 31]. Критика упрощенного анализа цифрового разрыва объясняется несколькими причинами. Так, Н. Селвин указывает на зонтичный характер термина «ИКТ», который включает в себя широкий спектр технологий, типов информации и ресурсов. Помимо проблемы доступа к ИКТ есть более сложные вопросы, касающиеся качества связи и возможностей, предоставляемых в результате распределения доступа. Взаимодействие с ИКТ связано с тем, как люди их используют: наличие доступа к информации, ресурсам и услугам не означает автоматически высокой результативности их использования всеми пользователями и во многом зависит от сферы применения (экономическая деятельность, политика, потребление, сбережения и пр.). Поэтому все чаще о цифровом разрыве говорят в контексте изучения возможностей быть полноценным участником социальных взаимодействий в условиях информационного общества [40. Р. 346].

Цифровой разрыв второго уровня: навыки использования технологий

Трансформация исследовательских подходов к изучению цифрового неравенства была связана с переходом к оценке различий в навыках пользования ИКТ [21]. Увеличение объемов информации и усиливающаяся зависимость от доступа к ней делают интернет-навыки жизненно важным активом, но когда эти навыки неравномерно распределены, усиливается социальное неравенство [21].

Второй уровень цифрового разрыва связан с возможностями, которые предоставляет выход в Сеть, и тем, каким образом эти возможности используются. «С точки зрения индивида Интернет представляет собой не одну технологию, а разные вещи для разных людей и используется с разными целями» [41. Р. 7]. Важно не только, кто пользуется Интернетом, но и уровни владения специальными онлайн-навыками, способность эффективно находить информацию в Интернете [21; 27]. Соответственно, важен комплексный анализ последствий распространения ИКТ и различных вариантов их применения в зависимости от возможностей пользователей для общества в целом, его отдельных сфер, конкретных социальных групп и отдельных индивидов [45]. Исследователи начали создавать многомерные аналитические конструкции для изучения комплекса переменных, отражающих особенности поведения агентов в структурировании цифровых неравенств, в результате чего концепция цифрового разрыва получила иерархический вид, описывая разные типы использования ИКТ с учетом уровня цифровой грамотности, уровня образования, гендерной принадлежности, возраста,

владения английским языком и т.п. [24; 25; 27; 37]. Таким образом, второй уровень цифрового разрыва связан с дифференциацией практик применения ИКТ и последствий их реализации [25; 27].

Можно выделить несколько подходов к анализу навыков, необходимых в условиях информационного общества. Я. Стейарт рассматривает информационные навыки как инструментальные (способность эффективно использовать технологические продукты, в том числе соответствующую аппаратуру и программное обеспечение), структурные (умение использовать разные форматы передачи, поиска, хранения и распределения информации) и стратегические (грамотное использование информационных ресурсов для принятия решений) [43].

Я. ван Дейк и А. ван Дерсен классифицируют интернет-навыки с точки зрения использования технических устройств для доступа к ИКТ (операционные навыки), умения искать, отбирать и обрабатывать информацию (формальные навыки), ее использования для личных целей (информационные навыки), а также использования потенциала ИКТ для улучшения своего социального положения (стратегические навыки) [21; 22]. Первые два типа навыков связаны с возможностями, предоставляемыми ИКТ, особенно Интернетом; информационные и стратегические навыки влияют на эффективность работы с контентом. Для полноценного функционирования в киберпространстве человеку важны все типы навыков, поскольку вскоре владение ими будет влиять на профессиональное положение и полноценное участие в общественной жизни.

Большинство исследователей согласны, что уровень владения навыками работы с ИКТ зависит от индивидуальных особенностей, которые определяются социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, уровень образования, профессиональная деятельность, доход, опыт работы в Интернете, местожителство). По данным Международного союза электросвязи, цифровой разрыв относительно невелик в развитых странах, более заметен в развивающихся странах и значителен в наименее развитых странах, где Интернетом пользуется каждый пятый мужчина и только каждая седьмая женщина. Пожилые люди значительно реже выходят в Сеть, чем молодежь 15—24 лет (70% молодежи) [32].

Фактором, снижающим возможности использования Интернета, является уровень владения английским языком. Сегодня масштабы Рунета по числу ресурсов и предоставляемых возможностей существенно ограничены по сравнению с англоязычным Интернетом. За период с 2015 по 2017 год уровень владения английским языком в России немного увеличился. По данным компании English First, которая ежегодно составляет индекс владения английским языком (EPI), в 2017 году Россия занимала 38 место среди 80 стран по уровню владения языком [11].

Данные по навыкам использования современных ИКТ жителями России неоднозначны. По данным ВЦИОМ, число тех, кто ежедневно пользуется Интернетом в России, составляет 61%, лишь 20% никогда не пользуются Интернетом. «При этом наличие практики использования Интернета не случайно, а связано с социально-демографическими характеристиками, формирующими социально-

экономическое неравенство (доход, пол, возраст)» [1]. Ежегодно Институт статистических исследований и экономики знаний проводит исследование развития ИКТ в 175 странах мира. По данным за 2016 год, Россия потеряла одну позицию по сравнению с 2015 годом и занимает 43 место [10].

В рамках исследования навыки использования ИКТ оценивались через уровень образования, что не вполне правомерно по ряду причин. Во-первых, наличие образования не всегда гарантирует достаточные навыки использования ИКТ. Во-вторых, скорость развития современных технологий требует постоянной адаптации существующих навыков под новые требования, а неадаптивность системы образования не позволяет ей выполнять эту функцию, т.е. получение подобных навыков возможно либо при самообразовании, либо в системе дополнительного образования.

Наиболее адекватным способом измерения навыков владения ИКТ является изучение целей использования Интернета. Согласно данным Яндекса пользователи Рунета наиболее часто используют Интернет для общения в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники и др.), далее по популярности идут поисковые и новостные сайты интернет-магазины, среди лидеров поисковых запросов отдельную группу составляют сайты, содержащие контент для взрослых [9]. По данным компании GfK, россияне тратят десятую часть времени, проведенного в Интернете (более пяти часов в месяц), на шоппинг, и все чаще используют для этого смартфоны и мобильные приложения. В 2017 году более 24 млн россиян 16—55 лет совершали покупки онлайн. Почти треть своего онлайн-времени россияне проводят в социальных сетях [14].

В России наблюдается общемировая тенденция сохранения серьезного цифрового разрыва между поколениями: наиболее активными пользователями являются возрастные группы до 34 лет. У старших возрастов существенно снижается активность в Сети, приоритет отдается просмотру контента, а не его созданию [6]. Тем не менее, и среди людей старшего возраста (55 лет и выше) доля пользователей Интернета за 2017 год выросла на четверть по сравнению с 2016 годом и составила 36%, увеличилось в два раза число пользователей мобильного Интернета — до 21% [8].

Цифровой разрыв третьего уровня: возможности и жизненные шансы

Цифровой разрыв стал социальной проблемой, поскольку связан с особенностями конечных потребителей продуктов ИКТ, наличием у них определенных навыков и компетенций, спецификой использования ИКТ и т.п. В этой связи интерес представляет влияние цифрового разрыва на социальное неравенство [36]. Хотя различия в использовании ИКТ между социальными группами частично уменьшаются, некоторые группы, такие как пожилые люди, граждане с низкими доходами или с низким уровнем образования, по-прежнему борются за доступ к ресурсам Интернета. Для привилегированных социальных слоев характерна тенденция накапливать преимущества, обусловленные уровнем доступа и исполь-

зования ИКТ. Даже если разрыв в физическом доступе практически преодолен (по крайней мере, в развитых странах), чтобы использовать весь потенциал ИКТ, необходимо достичь определенного уровня владения «цифровым капиталом» — это совокупность опыта, навыков, знаний, компьютерной грамотности и др. [36].

Доступ к ИКТ и их использование могут предоставить широкий спектр возможностей для улучшения жизненной ситуации, поэтому ряд исследователей предлагают перейти к анализу третьего уровня цифрового разрыва — в жизненных шансах [36; 39; 42] индивидов в связи с использованием продуктов ИКТ.

Цель Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, принятой 9 мая 2017 года, — увеличение доли цифровой экономики, обеспечение доступа к ресурсам сети Интернет, а также формирование у населения потребности в использовании цифровых ресурсов посредством введения систем онлайн-образования и медицины [12; 15]. Тем самым существующий разрыв между наличием достаточной материальной базы и отсутствием необходимых навыков и знаний для ее полноценного применения государство пытается преодолеть через принудительную цифровизацию основных социальных институтов — образования и медицины. Однако экономика нашей страны все еще не является цифровой. Например, доля объема реализации товаров и услуг через Интернет составляет лишь 2,3% ВВП. «Сейчас доля цифровой экономики в ВВП России... составляет 3,9%, что в два-три раза ниже, чем у стран-лидеров, таких как США, Япония, Сингапур, Израиль» [16]. Цифровизация экономики может обеспечить ее значительный рост, но основные преграды на этом пути — пробелы в законодательстве, быстро устаревающая материальная база и отсутствие компетенций для ее эффективного использования. В июле 2017 года в России была принята государственная программа «Цифровая экономика», затрагивающая фактически все отрасли экономики, включая сельское хозяйство. Однако, например, цифровизация электрических сетей, включающая установку «умных счетчиков», серьезным образом может отразиться на пользователях этих сетей: дело не только в отсутствии доказательств эффективности подобных технологий, но и в том, что одним из источников финансирования будет увеличение платы за электроэнергию.

Аналогичные процессы наблюдаются в системе здравоохранения и образования, где распространяются электронные дневники и онлайн-запись к врачам [3]. Исследования показывают, что доступ к новейшим ИКТ в ближайшие годы будет способствовать получению оперативной медицинской помощи, в частности, важны мобильные медицинские устройства, причем стоимость необходимых инвестиций в обновление устройств и нематериальной их составляющей будет минимальной [13].

Серьезные изменения наблюдаются и в сфере услуг, в том числе в туристическом секторе и банковском обслуживании. Повсеместно начинают применяться электронные цифровые подписи. Начиная с 2009 года в России реализуется программа «Электронное правительство», широкое распространение получил портал «Госуслуги», где в 2017 году было зарегистрировано около 65 млн граждан [5].

Очевидная тенденция к дигитализации жизни российского общества не только требует наличия определенных навыков и материальной базы, но предлагает новые возможности для самореализации, повышения своего социального статуса и т.п. Сегодня при высоких темпах цифровизации совершенно недостаточным остается уровень распространения знания о новых ИКТ и способах их использования. Доступ и эффективное использование ИКТ являются одним из решающих факторов в конкурентной борьбе на рынке труда, при получении более выгодных предложений от работодателей. Качественный поиск информации позволяет более полноценно участвовать в общественной жизни, которая все больше перемещается в киберпространство, где возможно выражение политической позиции, а также самопрезентации через личные блоги и профили в социальных сетях.

К сожалению, жизненные шансы и возможности, связанные с успешным освоением ИКТ, сложно измерить — необходимы специальные показатели, и сегодня это может быть способность индивида существенно улучшить свое социальное положение посредством доступа к новейшим ИКТ, т.е. насколько доступ к ИКТ определяет социальный статус индивида, в том числе доступ к уникальной информации (например, образовательные онлайн-программы, оперативная помощь в разных сферах, недоступная вне Сети, новые виды трудовой деятельности в Сети, способность влиять на принятие политических решений и др.). В настоящее время очевидно, что уровень цифровизации российского общества наделяет пользователей Сети несущественными жизненными шансами, например, система электронного правительства по-прежнему предполагает использование бумажных форм.

Риски цифровизации

ИКТ, безусловно, открывают множество новых возможностей, связанных с мгновенным и практически неограниченным доступом к информации и расширением способов коммуникаций. Однако именно эти характеристики современных технологий часто становятся источником многочисленных рисков и угроз, т.е. следует учитывать и неизбежные отрицательные социальные эффекты ускоренной цифровизации. Вера технооптимистов в способность новых технологий искоренить социальное неравенство оказалась несостоятельной — напротив, возникают все новые формы и проявления цифрового разрыва на разных его уровнях. Так, по прогнозам, в ближайшие несколько лет более чем на 10% возрастет объем работ, выполняемых роботами, что может стать причиной серьезного роста безработицы. Кроме того, возникают сложности в адаптации к новым рабочим местам (особенно у людей старшего поколения), требующим специфических навыков владения ИКТ. Распространение роботов и искусственного интеллекта ставит новые этические вопросы и создает новые риски, например, классическая «проблема вагонетки» обретает новое звучание с появлением беспилотных автомобилей уже на стадии их тестирования.

Современный человек все чаще сталкивается с обезличенностью социальных сетей, и на фоне всеобщей связанности посредством ИКТ все чаще в исследовательский фокус психологов и социологов попадает проблема одиночества и новые формы отчуждения. Одним из широко обсуждаемых рисков информационной революции стали гарантии безопасности, границы контроля и свободы. «Цифровые следы», оставляемые пользователями Интернета, создают множество рисков утечки персональных данных, их незаконного использования и распространения. Информационные технологии обеспечивают доступ к частной жизни посредством социальных сетей и мессенджеров. Фактически границы между публичным и приватным становятся проницаемыми и подвижными. Цифровизация наиболее значимых для общества сфер (образование, здравоохранение, взаимодействие с государственными органами и др.) остро ставит вопрос и о киберугрозах. В то же время попытки государства обеспечить безопасность через дублирование информации на бумажных носителях (как в случае с электронным паспортом) вызывают дискуссии об экономической целесообразности подобных действий.

Значительное увеличение объема распространяемой информации приводит к «информационной перегрузке», что проявляется в когнитивных искажениях, нарушениях памяти и внимания. Многообразии источников информации и их доступность по-новому ставит вопрос о манипуляции массовым сознанием со стороны многочисленных социальных акторов. Возможность мгновенно получить доступ к любым данным не способствует запоминанию даже важной информации, формирует зависимость от многочисленных электронных устройств, которые нас окружают. Эта зависимость, в свою очередь, способствует утрате многих навыков — ориентирования на местности, запоминания адресов и контактов близких людей и т.п.

И это далеко не полный перечень негативных последствий экспансии инновационных технологий, повсеместной цифровизации и сетевизации. Однако в век связанности и глобализации оставаться в стороне от технологического прогресса невозможно — это приведет к утрате конкурентоспособности и маргинализации как на уровне отдельного индивида, так и на уровне государства. Поэтому перед представителями общественности, науки, бизнеса и власти стоит важнейшая задача поиска баланса между технологическим развитием и его социальными эффектами.

***

Интерес к проблеме цифрового неравенства наблюдается на протяжении уже трех десятилетий. Подходы к изучению цифрового разрыва и попытки разработать конкретные механизмы его сокращения широко обсуждаются на уровне государства и бизнес-структур, привлекают внимание научного сообщества. Тем не менее, пока данных для всесторонней оценки цифрового разрыва недостаточно. В рамках анализа цифрового неравенства на трех уровнях целесообразно начать поиск некоей агрегированной модели, отражающей различные аспекты этой новой

формы социального неравенства, которая бы учитывала наличие физического доступа к Интернету и специальных навыков, необходимых для использования ИКТ, и позволяла бы оценивать жизненные шансы, гарантируемые доступом и полноценным использованием интернет-ресурсов.

Специфика становления информационного общества в России определяется, с одной стороны, активным участием государства, с другой — социальными и структурными проблемами, связанными с устареванием материальной базы, ограничениями во внедрении современных технологий вследствие разнообразия российских регионов и отсутствием соответствующей образовательной системы. Стратегической задачей государства в этой связи становится разработка мер по сокращению и предупреждению роста цифрового разрыва. В настоящее время цифровой разрыв первого уровня в нашей стране практически преодолен, но потенциал сокращения второго и третьего уровней цифрового разрыва явно еще не исчерпан.

Библиографический список / References

- [1] Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5 / Volchenko O.V. Dinamika tsifrovogo neravenstva v Rossii [Dynamics of digital inequality in Russia]. *Monitoring Obshchestvennogo Meniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2016; 5 (In Russ.).
- [2] Глоссарий по информационному обществу. М., 2009 / *Glossariy po informatsionnomu obshchestvu* [Glossary of Information Society]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [3] Лядова А.В., Лядова М.В. Особенности формирования взаимоотношений в системе врач—пациент в современных условиях // Социология медицины. 2016. Т. 15. № 2 / Lyadova A.V., Lyadova M.V. Osobennosti formirovaniya vzaimootnosheny v sisteme vrach—patsiyent v sovremennykh usloviyakh [Features of ‘physician—patient’ relationship in contemporary society]. *Sotsiologiya Meditsiny*. 2016; 15 (2) (In Russ.).
- [4] Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2 / Osipova N.G. Neravenstvo v epokhu globalizatsii: sushchnost, instituty, regionalnaya spetsifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: Essence, institutions, regional diversity and dynamics]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [5] Подведены итоги работы Единого портала госуслуг в 2017 году / Podvedeny itogi raboty Edinogo portala gosuslug v 2017 godu [The results of the work of the Unified portal of public services in 2017]. <http://minsvyaz.ru/ru/events/37879> (In Russ.).
- [6] Пользователи социальных сетей в России: исследование / Polzovateli sotsialnykh setey v Rossii: Issledovanie [Social media users in Russia: A study]. https://rusability.ru/downloads/rwp_vk_2015.pdf (In Russ.).
- [7] Полякова Н.Л. Теория социального неравенства в социологии XX века. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4 / Polyakova N.L. Teoriya sotsialnogo neravenstva v sotsiologii 20 veka. Transformatsiya klassiki [Theory of social inequality in sociology of the 20th century. Transformation of the classic]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2014; 4 (In Russ.).

- [8] Проникновение Интернета в России: итоги 2017 года / Proniknoveniye Interneta v Rossii: itogi 2017 goda [Internet penetration in Russia: Results of 2017]. <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii> (In Russ.).
- [9] Развитие Интернета в регионах России / Razvitiye Interneta v regionakh Rossii [Internet development in the regions of Russia]. https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016#itogovyetablicy (In Russ.).
- [10] Россия в рейтинге развития ИКТ: 2016 / Rossiya v reitinge razvitiya IKT: 2016 [Russia in the ICT Development Rating: 2016]. https://issek.hse.ru/data/2016/11/30/1112652859/NTI_N_30_30112016.pdf (In Russ.).
- [11] Россия заняла 38-е место по уровню владения английским языком / Rossiya zanyala 38-e mesto po urovnyu vladeniya angliyskim yazykom [Russia ranked 38th in English proficiency]. <https://rg.ru/2017/11/08/rossiia-zaniala-38-e-mesto-po-urovniu-vladeniia-anglijskim-iazykom.html> (In Russ.).
- [12] Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014—2020 годы и на перспективу до 2025 года / Strategiya razvitiya otrasli informatsionnykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii na 2014—2020 gody i na perspektivu do 2025 goda [Strategy for the development of the information technology industry in the Russian Federation for 2014—2020 and for the future until 2025]. http://minsvyaz.ru/uploaded/files/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025_%5B1%5D.pdf (In Russ.).
- [13] Тополь Э. Будущее медицины: Ваше здоровье в ваших руках. М., 2016 / Topol E. *Budushchee meditsiny: Vashe zdorovye v vashikh rukakh* [Future of Medicine: Your Health is in Your Hands]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [14] Тренды поведения россиян в интернете в 2017 году / Trendy povedeniya rossiiyan v internete v 2017 godu [Trends of the Russians' behavior in the Internet in 2017]. http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/GfK_Rus_Press_Release_Spending_Time_On_The_Internet_in_Russia.pdf (In Russ.).
- [15] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» / Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.05.2017 g. No. 203 “O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017—2030 gody” [Decree of the President of the Russian Federation on 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017—2030”]. <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (In Russ.).
- [16] Цифровая экономика майнит / Tsifrovaya ekonomika maynit [Digital Economy Mines]. <http://expert.ru/siberia/2017/41/tsifrovaya-ekonomika-majnit> (In Russ.).
- [17] Чакраворти Б., Бхалла А., Чатурведи Р.Ш. Самые цифровые страны мира / Chakravorti B., Bkhalla A., Chaturvedi R.Sh. Samye tsifrovye strany mira [The most digital countries in the world]. <http://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/p23271> (In Russ.).
- [18] Barney D.D. *The Network Society*. Cambridge: Polity; 2004.
- [19] Brandtzaeg P.B., Heim J., Karahasanovicá A. Understanding the new digital divide — A typology of Internet users in Europe. *Journal of Human Computer Studies*. 2010; 69.
- [20] Castells M. *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*: Vol. I. New Jersey—Oxford: Wiley-Blackwell; 1996.
- [21] Deursen A. Van, Dijk J. Van. Internet skills and the digital divide. *New Media & Society*. 2010; 13 (6).
- [22] Deursen A.J.A.M. Van, Helsper E., Eynon R., Dijk J. van. The compoundness and sequentiality of digital inequality. *International Journal of Communication*. 2017; 11.
- [23] Dijk J. Van. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. California: Sage; 2005.

- [24] Dimaggio P., Hargittai E. From the “Digital Divide” to “Digital Inequality”: Studying Internet Use as Penetration Increases. Working Paper No. 15. Princeton; 2001.
- [25] Dimaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. *From Unequal Access to Differentiated Use: A Literature Review and Agenda for Research on Digital Inequality*. Ed. by K. Neckerman. New York: Russel Sage Foundation; 2004.
- [26] Europe Internet Usage Stats Facebook Subscribers and Population Statistics. <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm>.
- [27] Hargittai E. Second-level digital divide: Differences in people’s online skills. *First Monday*. 2002; 7 (4).
- [28] Hassan R. *Media, Politics and the Network Society*. Glasgow: Open University Press; 2004.
- [29] Helsper E.J. A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion. *Communication Theory*. 2012; 22 (4).
- [30] Hilbert M. The end justifies the definition: The manifold outlooks on the digital divide and their practical usefulness for policy-making. *Telecommunications Policy*. 2011; 35 (8).
- [31] Jung J.Y., Qiu J.L., Kim Y.C. Internet connectedness and inequality: Beyond the “divide”. *Communication Research*. 2001; 28 (4).
- [32] Measuring the Information Society: Report 2017. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2017.aspx>.
- [33] Norris P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001.
- [34] OECD. *Understanding the Digital Divide*. <http://www.oecd.org/sti/1888451.pdf>.
- [35] Osipova N., Polyakova N., Dobrinskaya D., Vershinina I., Martynenko T. Social inequality: recent trends. *PONTE International Scientific Researches Journal*. 2017; 73 (5).
- [36] Ragnedda M. *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. London: Routledge; 2017.
- [37] Robinson L., Cotton Sh.R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T.M., Stern M.J. Digital inequalities and why they matter. *Information Communication and Society*. 2015; 18 (5).
- [38] Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press; 1995.
- [39] Scheerder A., Deursen A. van, Dijk J. van. Determinants of Internet skills, use and outcomes. A systematic review of the second- and third-level digital divide. *Telematics and Informatics*. 2017; December.
- [40] Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide. *New Media & Society*. 2004; 6 (3).
- [41] Selwyn N., Gorard S., Furlong J. Whose internet is it anyway? Exploring adults’ (non)use of the iInternet in everyday life. *European Journal of Communication*. 2005; 20 (1).
- [42] Stern M.J., Adams A.E., Elsasser S. Digital inequality and place: The effects of technological diffusion on Internet proficiency and usage across rural, suburban, and urban counties. *Sociological Inquiry*. 2009; 79 (4).
- [43] Steyaert J. Inequality and the digital divide: Myths and realities. *Advocacy, Activism and the Internet*. Ed. by S. Hick, J. McNutt. Chicago: Lyceum Press; 2002.
- [44] Urry J. *Global Complexity*. London: Polity Press; 2003.
- [45] Wellman B., Chen W. Minding the cyber-gap: the Internet and social inequality. *The Blackwell Companion to Social Inequalities*. Ed. by M. Romero, E. Margolis. New Jersey: Blackwell Publishing; 2005.
- [46] World Internet Users Statistics and 2018 World Population. <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120

Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels*

D.E. Dobrinskaya, T.S. Martynenko

Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991

(e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com; ts.martynenko@gmail.com)

Abstract. The article considers features and trends of the information society development in Russia through the analysis of various aspects of its digitalization including the strategic task of reducing the digital divide. Since the second half of the 20th century the digital divide develops as a new form of social inequality determined by information-communication technologies. Today there is no single approach to the conceptualization of the digital divide (digital inequality). Usually, as a methodological basis for the analysis of digital inequality, researchers use a three-level model of the digital divide: (1) the difference in access to new information technologies (availability or lack of material resources) such as special devices (smartphones, computers, etc.) and also availability of Internet access and its quality (speed, price, etc.); (2) the difference in skills necessary for the effective use of information technologies (ability to get access to content, to produce it, to be an active participant of interaction) (3) life chances and opportunities determined by information technologies, which are most difficult to measure due to digitization of certain spheres of society. Digitalization is a priority for the strategic development of the Russian society which includes the use of digital technologies in main spheres of social life (education, healthcare, etc.) and changes in the ways of interaction between society and the state (“e-government”). Based on the data of statistics and research for 2015—2017, the authors consider perspectives to overcome the digital divide under the development of information society in Russia and identify main risks and negative consequences of attempts to accelerate its digitalization.

Key words: social inequality; digital divide; digital inequality; information society; information-communication technologies; digitalization; Internet

---

* © D.E. Dobrinskaya, T.S. Martynenko, 2019.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No. 18-011-01106.

The article was submitted on 18.06.2018.